Половину суммарных денежных доходов населения России сосредоточивают первые 12 регионов, 75% — первые 31; оставшиеся 25% приходится на 57 регионов. Территориальное распределение денежных доходов населения по квинтильным интервалам таково: первые 20% регионов с наименьшими объемами денежных доходов населения дают 1,9%, вторые 20% — 7,7, третьи — 11,9, четвертые —- 20,0 и последние 20% регионов с наибольшими объемами денежных доходов населения — 58,5%. Коэффициент Джини распределения денежных доходов населения равен 52,9%.

Анализ региональных различий по денежным доходам на душу населения дается в параграфе 5.3.

5.2.4 Внешнеэкономическая деятельность

Движение России к открытой экономике, использующей преимущества международного разделения труда, в разной степени охватило все регионы. Часть межрегиональных связей, существовавших внутри СССР, трансформировалась в связи со странами "нового" зарубежья (СНГ и Балтии); значительно увеличилась торговля со странами "дальнего" зарубежья. Внешнеторговый оборот России в 1990-х гг. возрастал, несмотря на падение производства. В 1997 г. по сравнению с 1992 г. он увеличился на 69% (в долларах США).

Благодаря увеличению экспорта регионы смогли поддерживать производство конкурентоспособной продукции; расширение импорта решало задачи насыщения региональных рынков потребительскими товарами (в том числе продовольствием). Наиболее вовлеченными во внешнюю торговлю оказались две группы регионов; 1) производящие нефть и нефтепродукты, природный газ, черные и цветные металлы, минеральные удобрения и 2) регионы ~ торговые посредники.

В табл. 5.14 приводятся данные Государственного таможенного комитета (ГТК) об участии во внешней торговле экономических районов. Специфика этих данных состоит в том, что они регистрируют внешнеторговые сделки, заключенные российскими предприятиями и организациями — *продавцами* и *покупателями* товаров. Эти данные могут существенно отличаться от объемов экспорта и импорта регионов — *производителей* экспортируемой продукции и *конечных потребителей* импортируемой продукции[1].

[1] Кроме того, статистика ГТК России не разделяет по регионам существенную часть экспорта особенно импорта и не включает официально не регистрируемые объемы экспорта и импорта с Перации "челноков" и др.). В 1997 г. экспорт, распределенный по статистике ГТК между регионами, тавил 91,7% всего экспорта, импорт — 64,7%, внешнеторговый оборот — 79,5%.

Таблица 5.14. **Показатели внешней торговли по экономическим районам в 1997 г., %**

Экономические районы	Территориальная структура внешней торговли			Отношение объемов внешней торговли к ВРП		
	Экспорт	Импорт	Внешнеторговый оборот	Экспорт	Импорт	Внешнеторговый оборот
Северный	5,8	2,4	4,5	28,2	6,8	35,0
Северо-Западный	4,4	9,6	6,3	18,9	23,9	42,8
Центральный	34,5	46,3	38,8	28,7	22,6	51,3
Волго-Вятский	1,7	1,8	1,7	8,3	5,0	13,3
Центрально-Черноземный	2,8	2,3	2,6	15,7	7,4	23,0
Поволжский	6,7	5,9	6,4	12,7	6,6	19,3
Северо-Каказский	1,8	5,7	3,3	6,4	11,8	18,2
Уральский	12,2	6,9	10,3	18,9	6,3	25,2
Западно-Сибирский	19,1	8,2	15,1	23,8	6,0	29,8
Восточно-Сибирский	8,0	4,0	6,5	23,9	7,1	31,0
Дальневосточный	2,5	4,4	3,2	8,5	8,7	17,2
Калининградская область	0,4	2,5	1,2	22,5	82,4	104,9
Российская Федерация	100	100	100	20,2	11,9	32,1

Источник: данные Государственного таможенного комитета Российской Федераци

Первое место во внешней торговле, занимаемое Центральным районо объясняется в первую очередь ролью Москвы как крупнейшего торгов транспортного центра. На Москву приходится 29,3% всего зарегистрирова ного экспорта и 38,4% импорта.

Разумеется, это не означает, что Москва экспортирует только продукци собственного производства, а всю импортируемую продукцию потребля Большая часть московского экспорта — это продукция других регионов, бóльшая часть московского импорта транспортируется для использования другие регионы.

Иной смысл имеют показатели высокого удельного веса в экспорте страны Западной Сибири и Урала. В первом случае это прямые экспортные поставки нефти и газа (доля одной Тюменской области в экспорте — 13,5%), во втором случае — экспорт металлов и другой продукции тяжелой промышленности. Реальное участие этих районов в экспорте значительно выше, так как существенная часть произведенной в них продукции реализуется на экспорт резидентами Центрального и Северо-Западного районов. Участие ряда экономических районов, например Центрально-Черноземного и Северо-Кавказского, в экспорте ограничивается узостью круга продукции, реализуемой на внешних рынках.

Более половины зарегистрированного импорта приходится на Центральный и Северо-Западный районы. Среди остальных экономических районов импорт распределяется относительно равномерно.

В большинстве экономических районов внешнеторговый оборот составляет значительную долю ВРП. По этому показателю особенно выделяются Центральный (51,3%), Северо-Западный (42,8%) и Северный (35%) экономические районы. Среди субъектов федерации первые места по отношению внешнеторгового оборота к ВРП занимают Москва, Тюменская область, Санкт-Петербург, Красноярский край, Московская и Свердловская области.

Второй после внешней торговли важной формой внешнеэкономических связей регионов является привлечение иностранных инвестиций. Общие объемы иностранных инвестиций в экономику России пока невелики, но имеется тенденция к их росту: 1995 г. — 2983 млн. долл., 1996 г. — 6970, 1997 г. — 12 295 млн. долл.

Распределение иностранных инвестиций по регионам исключительно неравномерно (см. табл. 5.15). Доминирующее положение занимает Центральный район, доля которого доходила до 73%. При этом только одна Москва сосредоточивала в 1995 г. 46,9% всех иностранных инвестиций, в 1996 г. — 65,6, в 1997 г. — 68,9%. Второе место после Москвы с огромным отрывом в 1995—1996 гг. занимала Московская область (6,9 и 5,9%), а в 1997 г. — Астраханская область (5,7%).

Объемы иностранных инвестиций в другие экономические районы и субъекты федерации не только малозначительны, но и неравномерны по годам. Например, они резко падали в Северном и Дальневосточном районах.

Ситуация с динамикой и территориальным распределением иностранных инвестиций ненормальна и свидетельствует о незрелости инвестиционного рынка, существовании больших трудностей для движения иностранного капитала в регионы. В ряде регионов ведется активная работа по улучшению инвестиционного климата.

Таблица 5.15. **Распределение иностранных инвестиций по экономическим районам, %**

Экономические районы	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Северный	2,7	1,3	0,5
Северо-Западный	6,8	5,3	4,1
Центральный	57,9	73,0	71,1
Волго-Вятский	2,2	2,5	1,4
Центрально-Черноземный	0,2	0,4	1,0
Поволжский	9,6	2,8	7,1
Северо-Кавказский	1,8	1,1	0,7
Уральский	2,1	1,0	1,2
Западно-Сибирский	8,8	6,2	7,0
Восточно-Сибирский	0,8	0,2	3,6
Дальневосточный	6,6	5,9	2,2
Калининградская область	0,5	0,3	0,1
Российская Федерация	100	100	100

5.3 Усиление неоднородности экономического пространства и перспективы сближения регионов по экономическому и социальному развитию

Исторически сложившаяся неоднородность экономического пространства России оказывает значительное влияние на эволюцию государственного устройства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований и социально-экономической политики. Поэтому вопрос о том, увеличивается или уменьшается *неоднородность*, или *дифференциация, экономического пространства*, имеет важное значение с разных точек зрения.

Уменьшение пространственной неоднородности (дифференциации) создает более благоприятные условия для развития общенационального рынка, гармонизации социально-экономических преобразований, формирования на качественно более высоком уровне общероссийского менталитета, укрепления единства российского государства. Наоборот, усиление неоднородности затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, увеличивает опасности региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национальной экономики, ослабления целостности общества и государства.

Говоря о негативных сторонах неоднородности экономического пространства, мы вовсе не имеем в виду в качестве идеала *равномерное* размещение по территории страны различных отраслей хозяйства и видов деятельности, поскольку как раз их *неравномерное* размещение является неизбежным свойством любого организованного экономического пространства (следствием территориального разделения труда, концентрации и специализации производства, урбанизации расселения и т.д.). Более того, не равномерное, а *поляризованное* развитие характерно для современного этапа эволюции экономического пространства. Неоднородность понимается прежде всего как мера межрегиональных различий общих уровней экономического развития (экономической активности) и уровня (качества) жизни в крупных регионах страны и субъектах федерации.

В СССР проблема сдерживания межрегиональных экономических и социальных различий занимала видное место в проводившейся социально-экономической политике и еще более — в идеологии. Инструментами этой политики были централизованное финансирование экономики и социальной сферы регионов, дотации и субвенции, разнообразные социальные компенсаторы, плановые цены и др. Тем не менее различия между российскими регионами по важнейшим социально-экономическим индикаторам были весьма велики. Так, в 1988 г. максимальный разрыв между административно-территориальными единицами РСФСР по величине национального дохода (чистой продукции) на душу населения составил 11 раз (первое место — Тюменская область, последнее — Агинский Бурятский автономный округ).

С началом рыночных реформ дифференциация регионов стала быстро усиливаться. Это объяснялось в основном двумя комплексами причин. Во-первых, действием рыночной конкуренции, неодинаковой адаптируемости к рынку регионов с разной структурой экономики и разным менталитетом

населения и власти. Во-вторых, значительным ослаблением регулирующей роли государства (сокращением государственной финансовой поддержки, отменой большинства региональных экономических и социальных компенсаторов) и фактическим неравенством субъектов федерации в экономических отношениях с центром. Межрегиональная дифференциация являлась пространственным отображением растущей экономической (по формам собственности и секторам экономики) и социальной (по группам населения) дифференциации.

5.3.1 Дифференциация уровней экономического развития регионов

По объемам ВРП на душу населения — важнейшему индикатору уровня экономического развития — размах вариации ряда из 88 регионов[1] в 1999 г. составил 29,4 раза (на краях ряда — Ханты-Мансийский а.о. и Дагестан), коэффициент вариации — 91,3%. Столь огромная внутренняя дифференциация уникальна для одного государства и сопоставима только с различиями между самыми богатыми и самыми бедными странами мира. Так, в Европе аналогичное соотношение между регионами Европейского союза составляет 4,6 раза, а между всеми европейскими странами — около 13 раз (первое место — Люксембург, последнее — Молдова). Большие различия только между странами "золотого миллиарда" и самыми отсталыми странами Африки и Азии.

Огромная дифференциация регионов России по величине ВРП на душу населения характеризуется на диаграмме — "радаре" (рис. 5.3). Концентрические круги "радара" определяют соотношение душевых объемов ВРП со среднероссийской величиной: 25, 50, 75, 100% и далее. По расчетам за 1996 г. только Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ выходят за 200%-й круг; их номера на рисунке 63, 70, 72, а Дагестан, находящийся внутри 25%-го круга, имеет на "радаре" номер 42.

По отношению к среднероссийской величине ВРП на душу населения 79 регионов удобно разделить на шесть групп, имеющих равные интервалы отклонений (25 п.п.) от средней.

[1] Отсутствуют данные по

Чечне.

В группу лидеров (более 150% от средней) в 1996 г. входило 5 регионов: Тюменская область — 436,1% к средней, Республика Саха (Якутия) — 204,3, Чукотский автономный округ — 200,7, г. Москва — 196,8, Магаданская область — 171,3% к средней.

Группа наиболее отсталых (менее 50%) в 1996 г. насчитывала 11 регионов: это Тамбовская область — 48,3% к средней, республики Алтай — 43,9, Карачаево-Черкесия — 43,5,Марий Эл — 42,9, Кабардино-Балкария — 39,9, Адыгея — 39,6, Тыва — 34,0, Северная Осетия — 33,1, Калмыкия — 29,6, Ингушетия — 25,7, Дагестан — 21,4%. В 1994 г. в этой группе было только семь республик Северного Кавказа. В 1995 г. к ним добавились сибирские республики Алтай и Тыва, а в 1996 г. — Республика Марий Эл и Тамбовская область, т.е. география наиболее отсталых регионов расширяется.

Из табл. 5.15 видно, что распределение регионов относительно среднероссийской величины ВРП на душу населения весьма неравномерно. Число регионов, имеющих ВРП на душу населения ниже среднероссийского, составляет 56 (они производят 41,3% суммарного ВРП), а выше среднероссийского — только 23 (58,7% суммарного ВРП). Еще в 1994 г. последних было 26. Средние групповые величины ВРП на душу населения различаются в 7,3 раза.

Таблица 5.16. **Распределение ВРП по группам регионов относительно среднероссийской величины ВРП на душу населения**

Группы регионов по отношению к среднероссийской величине ВРП на душу населения	Число регионов в группе	Доля в суммарном объеме ВРП,%	Средняя групповая величина ВРП на душу населения к средней по Российской Федерации, %
1 — более 150%	5	23,3	254,5
2 — 125—150%	4	7,7	138,1
3 — 100—125%	14	27,7	109,9
4 — 75—100%	15	17,1	85,5
5 — 50—75%	30	22,3	61,3
6 — менее 50%	11	1,9	35,1
Итого	79	100	100

Дополнительное включение данных по девяти автономным округам еще более поляризует наблюдаемую картину. В соответствии с косвенными оценками ВРП, полученными с помощью уравнений многофакторной

сессии, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные круга по величине ВРП на душу населения попадают соответственно на 1-е, 2-е и 3-е места в России. Наоборот, Усть-Ордынский и Агинский округа оказываются позади Дагестана, занимающего последнее место среди 79 регионов. При включении данных об автономных округах размах вариации ВРП на душу населения увеличивается по меньшей мере вдвое (по сравнению с величиной 20,4).

С учетом дополнительных порядковых оценок ВРП на душу населения проясняется география регионов первой группы. Это Москва и северный пояс субъектов Российской Федерации, начиная от Ненецкого округа и кончая Чукоткой[1].

Феномен "северного ВРП" объясняется главным образом тем, что здесь концентрируются предприятия по добыче нефти, газа, алмазов, золота, производству цветных и редких металлов, дающих наибольшую денежную выручку на одного работающего. Из этого не следует, что все эти регионы благополучны в широком социально-экономическом смысле. Здесь наиболее тяжелые природно-климатические условия, наивысшая стоимость жизни, самые высокие инвестиционные издержки на единицу физического объема основного капитала и т.д. В последние годы вследствие сокращения производства и инвестиционной деятельности на значительной части северных территорий возросла безработица и начался интенсивный отток населения. Таким образом, первенство по ВРП на душу населения (в фактических ценах) и тяжелое социальное положение оказываются совместимыми. Это должно служить предостережением от фетишизации рассматриваемого экономического индикатора.

Растущая дифференциация регионов России по величине ВРП на душу населения происходит на фоне *снижения* общего уровня производства в стране. Экономическое положение ухудшается в большинстве регионов, но отсталые регионы отстают еще больше. Так, на протяжении трех лет, для которых проводились официальные расчеты ВРП, максимальное различие между 79 субъектами Российской Федерации по величине ВРП на душу населения монотонно увеличивалось: 1994 г. — 14,1 раза, 1995 г. — 17,7, 1996 г. — ^0>4 раза. Монотонно увеличивался и коэффициент вариации этих величин:

[1] Единственный на первый взгляд пропуск — Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный кРУг, отнесенный к третьей группе регионов. Но и этот пропуск условен: дело в том, что РУПНейший на Таймыре промышленный узел — Норильск — административно отделен от автоном-ОГо округа и отнесен непосредственно к Красноярскому краю.

1994 г. - 0,448, 1995 г. - 0,489, 1996 г. - 0,562. При этом установлена корреляционная зависимость: чем *выше* исходный уровень ВРП на душу населения, тем *меньше* падение ВРП. Наименьший спад производства ВРП за наблюдаемые годы был в Москве, наибольший — в самых отсталых республиках Северного Кавказа. Процесс такого типа называется *дивергенцией.*

5.3.2 Дифференциация региональных уровней доходов населения

8 качестве основного индикатора региональных различий уровня жизни будем рассматривать величины среднедушевых денежных доходов населения. В пользу этого показателя говорят возможности анализа достаточно длинных динамических рядов и приближенной оценки сравнительной покупательной способности доходов в различных регионах.

Денежные доходы на душу населения в 1997 г. различались среди 88 субъектов Российской Федерации в 12,51 раза. Это меньше, чем разрыв по среднедушевому ВРП. Зато коэффициент вариации среднедушевых доходов (64,4%) выше, чем среднедушевых ВРП (56,2% в 1996 г., но по 79 регионам).

Рис. 5.4 иллюстрирует региональные различия денежных доходов на душу населения по отношению к среднероссийской величине. За пределы 250%-го круга выходят Ямало-Ненецкий автономный округ — 394,4% (67), Москва — 387,4 (16), Ханты-Мансийский автономный округ — 308,8% (66). Самые низкие среднедушевые доходы имеют: Ингушетия — 31,5% (44), Усть-Ордынский автономный округ — 33,0 (75), Дагестан — 34,9% (43).

Распределение регионов по группам с интервалом 25 п.п. по отношению к среднероссийскому уровню выглядит следующим образом: свыше 150% — 9 регионов, от 125 до 150% - 2, от 100 до 125% - 11, от 75 до 100% - 12, от 50 до 75% — 46 (наиболее массовая группа), менее 50% — 8 регионов. Таким образом, распределение регионов сильно асимметрично: выше среднерос сийского уровня находятся 22 региона, ниже среднероссийского — 66. По сравнению с распределением регионов по среднедушевой величине ВРП лидеры отрываются еще больше, отсталые немного подтягиваются к средним.

В лидирующую группу вместе с Москвой входят нефтегазодобывающие регионы и северные территории Дальнего Востока. В низшей группе находятся

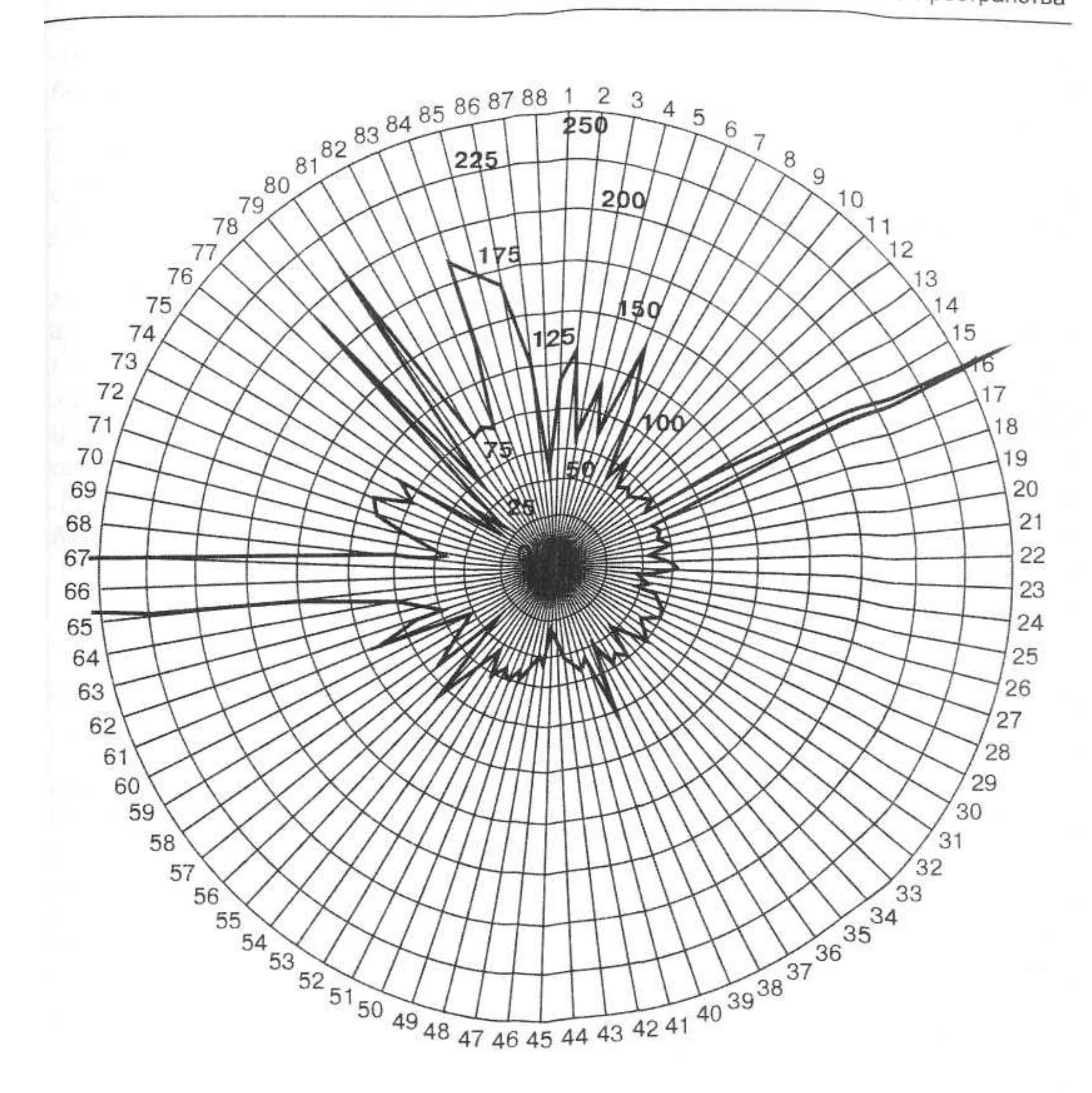

Рис. 5.4. Денежные доходы на душу населения в субъектах Российской Федерации по отношению к среднероссийской величине в 1997 г., %

республики Северного Кавказа, Калмыкия и Тыва, рад "нересурсных" автономных округов и близко к ним — некоторые аграрные регионы центральной части России[1].

Регионы России сильно различаются не только по величине среднедушевого дохода, но и по структуре его распределения. Уникальную социальную дифференциацию как между регионами, так и внутри большинства из них характеризуют данные табл. 5.17.

В целом по стране 20% населения с наименьшим среднедушевым доходом имели объем доходов в 8,5 раза больше, чем такая же численность населения с наименьшими доходами. Как правило, регионы с более высоким среднедушевым доходом имеют более сильную социальную

дифференциацию. "Лидером" является Москва. Здесь соотношение общих доходов пятой и первой 20%-х групп равняется 19,7 : 1, причем Москва имеет наименьшую долю дохода в первой группе (3,0%) и наибольшую долю — в пятой (59,2%). Наиболее равномерное распределение доходов в 1995 г. было в Сахалинской области — 3,3 : 1, в этом регионе доля первой группы максимальна (10,1%), а доля пятой группы минимальна (33,8%).

---

[1] Анализ региональной дифференциации требует сравнения не только получаемых доходов, но и структур их использования, а также соотношений доходов и расходов.

Отметим ряд наблюдаемых парадоксов в пространственной структуре доходов населения (данные за 1997 г.).

Как самые богатые (но периферийные), так и все бедные регионы имеют минимальные доли сбережений в объемах денежных доходов населения: с одной стороны, Чукотский автономный округ — 1,2 %, Ямало-Ненецкий автономный округ — 2,5, Ханты-Мансийский автономный округ — 6,5%; с другой стороны, Агинский автономный округ — 0,4%, Усть-Ордынский автономный округ — 1,8, Калмыкия — 1,9%. Это можно объяснить тем, что население богатых регионов перемещает свои доходы в другие регионы, прежде всего столичные. От населения же самых бедных регионов нельзя ожидать большой склонности к сбережениям. Максимальные доли сбережений имеют Москва (52,7%) и Санкт-Петербург (40,3%). По-видимому, здесь регистрируются и сбережения нерезидентов.

Второй парадокс. В самых богатых (но периферийных) и самых бедных регионах получаемые доходы значительно превышают расходы: в Чукотском автономном округе — на 54,7%, Ямало-Ненецком автономном округе — на 49,5, Ханты-Мансийском автономном округе — на 44,8%; Е Агинском автономном округе — на 58,9%, Ингушетии — на 57,2, Дагестане — на 50,2% и т.д. Е отношении богатых периферийных регионов этот феномен имеет правдоподобное объяснение: дохода: реализуются в других регионах, прежде всего, в столичных. Это подтверждается тем, что Москва *v* Санкт-Петербург имеют значительные превышения расходов над доходами: Москва — на 35,3% Санкт-Петербург — на 29,1%.

Более удивительно, что население регионов с самыми низкими среднедушевыми доходам! не расходует существенную их часть. Вряд ли это хранимые дома рублевые сбережения. Более вероятно что нерегистрируемая по расходам денежная масса находит применение в теневой экономике региона а также перемещается в другие регионы, отчасти возвращаясь в виде инвалюты и товаров.

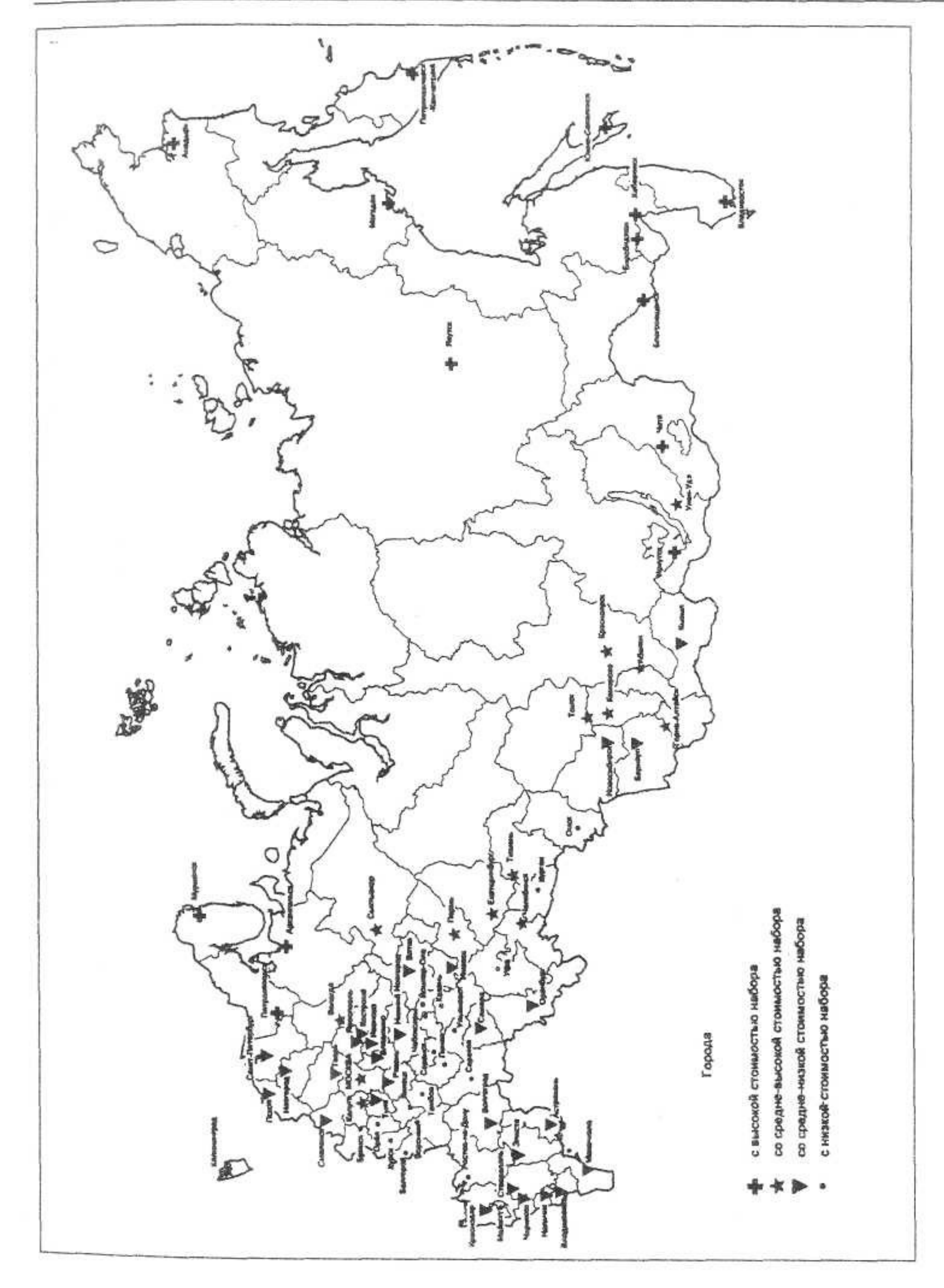

Рис. 5.5. Стоимость набора основных продуктов питания в городах России

В качестве основного статистического показателя для сравнения регио-альных уровней жизни используется соотношение денежного дохода и прожиточного минимума. В среднем по России эта величина в течение уже ряда лет составляет примерно 2 (по данным за 1997 г. — 2,24), а различие между максимальным и минимальным соотношениями — 10,7 раза. Таким образом, региональные различия стоимости жизни лишь несколько сглаживают региональную дифференциацию душевых доходов по покупательной способности, с одной стороны, из-за высокой стоимости жизни в северных и восточных регионах, имеющих наивысшие душевые доходы, с другой стороны, благодаря более низкой стоимости жизни в регионах с низким душевым доходом. В списке регионов с наибольшим отношением дохода к прожиточному минимуму — Москва (662%), Ямало-Ненецкий автономный округ (471%), Ханты-Мансийский автономный округ (432%), Пермская и Самарская области, занимавшие в списке по номинальному среднедушевому доходу лишь соответственно 21-е и 22-е места. Наименьшие соотношения — ниже прожиточного минимума — имеют Усть-Ордынский автономный округ (62%), Агинский автономный округ (66%), Ингушетия (74%) и Тыва (98%); это свидетельствует о том, что здесь основная часть населения живет ниже черты бедности.

В среднем по России доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (за чертой бедности) составляла в 1997 г. 20,8%. Она была наименьшей в Тюменской (13,4%), Тульской областях (16,4%) и Москве (16,5%). В четырех регионах (без выделения автономных округов) за чертой бедности проживает более половины населения: в Тыве — 68,6%, Читинской области — 65,6, Дагестане — 53,8, Марий-Эл — 52,7%.

Каковы основные тенденции региональной дифференциации доходов населения?

До начала рыночных реформ межрегиональные различия среднедушевых Доходов населения постепенно сглаживались, в том числе уменьшались различия между регионами, имевшими максимальный и минимальный среднедушевой доход: 1970 г. - 5,1 раза; 1985 г. - 3,9,1990 г. - 3,8 раза. С начала 1990-х гг. по мере ослабления государственного регулирования доходов и становления Многоукладной экономики усиливалась отраслевая, профессиональная и социальная дифференциация по денежным доходам, в том числе в региональном разрезе.

Различия в стоимости жизни несколько сглаживают межрегиональные различия номинальных доходов не только в статике, но и в динамике (см. табл. 5.18).

Таблица 5.18. **Соотношения между регионами, имеющими максимальное и минимальное значение индикатора, раз**

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Номинальный среднедушевой доход	10,6	15,6	14,1	12,5*
Отношение денежного дохода к прожиточному минимуму	11,7	13,4	11,1	10,7*

* Данные за 1997 г. получены с выделением автономных округов; за предыдущие годы — без их выделения.

Анализ динамики *реальных* доходов населения по регионам показывает увеличение различий с 3,5 раза в 1990 г. до 9,1 раза в 1996 г. Темпы снижения реальных доходов в более богатых регионах ниже, чем в бедных. Таким образом, происходит ***дивергенция региональных уровней реальных среднедушевых доходов***.

Вывод о межрегиональной дивергенции по реальным доходам подтверждается динамической типологизацией регионов.

Все регионы (без выделения автономных округов) были разделены на две группы по уровню среднедушевых реальных доходов населения в 1990 г.: 1 — регионы с уровнем доходов выше среднероссийского (22 региона), 2 — регионы с уровнем доходов ниже среднероссийского (50).

К 1996 г. каждая из групп распалась на две: 1.1. — регионы из первой группы, в которых доходы в 1996 г. по-прежнему превышали среднероссийские (8 регионов); 1.2 — регионы из первой группы, доходы в которых к концу периода оказались ниже среднероссийского уровня (14 регионов); 2.1 — регионы из второй группы, в которых в 1996 г. доходы превысили среднероссийский уровень (6 регионов); 2.2 — регионы из второй группы, доходы в которых продолжали оставаться ниже среднероссийского уровня (45 регионов). Группа регионов с доходами ниже среднероссийского уровня увеличилась с 50 до 59, а группа с более высокими доходами, наоборот, уменьшилась с 22 до 13. Таким образом, главное изменение в типологической структуре субъектов Российской Федерации — увеличение группы бедных и беднейших регионов[1]. Межрегиональная дивергенция при общем снижении реальных доходов неизбежно расширяет зону абсолютной бедности.

[1] Аналогичный вывод по отношению к динамике заработной платы был получен при демонстрации методологии типологизации регионов (см. параграф 3.4).

5.3.3 Перспективы сближения регионов

Во всех документах государственной региональной политики СССР и Российской Федерации присутствует тезис о необходимости *выравнивания* регионов п0 уровню социально-экономического развития. Однако приведенные выше данные говорят о том, что осуществить эту цель очень трудно.

Перспективы сближения регионов по уровню ВРП на душу населения имеет смысл анализировать при условии общего экономического роста. Очевидно, приемлем только такой характер сближения регионов, когда темп прироста в отставших регионах превышает *положительный* темп прироста в более развитых регионах.

Расчеты показывают, что полное выравнивание регионов России по величине ВРП на душу населения в обозримой перспективе абсолютно невозможно.

Для достижения наиболее отсталыми регионами среднероссийского уровня при самых оптимистических прогнозах требуется не менее 15—30 лет, если, разумеется, не добиваться выравнивания любой ценой, например путем ограничения и даже снижения уровня развития экономически эффективных регионов. Практический смысл представляет более скромная цель — *уменьшение отставания экономически менее развитых регионов.* Стремление к данной цели имеет две главные побудительные причины: 1) более активное включение всех регионов в общероссийский рынок, отвечающее интересам всех регионов; 2) укрепление экономической базы отставших регионов для решения их социальных задач.

Наиболее приоритетными задачами уменьшения неоднородности экономического пространства являются преодоление тенденции усиления межрегионального социального неравенства и особенно подтягивание регионов, наиболее отставших по уровню жизни. Уменьшение же межрегиональных различий по уровню экономического развития — это главное средство для решения социальных задач.

Две линии уменьшения пространственной неоднородности — социальная и экономическая — тесно переплетаются. Возможности отдельного региона (субъекта федерации, экономического района) по обеспечению уровня *изни населения в решающей степени определяются эффективностью регионального экономического комплекса (уровнем экономического развития) и г°раздо меньшей степени — межрегиональным перераспределением финан-ОвЬ1х ресурсов, которое внешне выступает как финансовые потоки между

центром и регионами. В то же время повышение уровня жизни — это одно из главных условий экономического роста интенсивного типа. В регионах данное условие, связанное с механизмами экономической заинтересованности, реализуется предметнее, чем на национальном уровне.

Идея выравнивания региональных уровней жизни в общем виде схоластична. Несмотря на то что разрыв между регионами по величине денежных доходов на душу населения (номинальных и с учетом прожиточногс минимума) существенно ниже, чем по производству ВРП на душу население (см. подраздел 5.3.2), прямолинейный подход к межрегиональному выравниванию и здесь неосуществим в обозримом будущем. Нужны более конкретньк и реалистичные подходы.

Первоочередной социальной задачей является уменьшение доли насе ления с денежными доходами ниже прожиточного минимума в первук очередь в тех регионах, где эта доля наиболее высокая.

В 1997 г. в целом по Российской Федерации доля населения с денежным] доходами ниже прожиточного минимума составляла 20,8%, а по 76 региона? (без Чечни, Ингушетии, Еврейской автономной области и автономны: округов) колебалась от 13,4% (Тюменская область) до 68,8% (Тыва). Очевидно что важное социальное значение имеет снижение по регионам максимально] доли населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, например сначала до 40%, затем — до 30% и т.д. Какое число регионов и каку} численность населения охватывает сформулированная задача?

В 1977 г. доля населения, находящегося за чертой бедности, превышал 40% в 11 субъектах федерации (общая численность населения в них —11, млн. чел.), а в 21 регионе (включая вышеуказанную группу) за черто бедности находилось более 30% населения (общая численность — 25,6 мл! чел.). При установленном пределе 40% необходимо перевести из зон бедности 1,1 млн. чел., а при пределе 30% — 3,0 млн. чел. Осуществлена данного маневра будет вполне по силам российской экономике уже на перво этапе экономического подъема. Для этого необходимо одновременно двигатьс с двух сторон: 1) рост экономической активности в наиболее бедных регж нах,повышающий занятость и предпринимательские доходы; 2) увеличен! социальных трансфертов из федерального бюджета (пенсии, пособия, миш мальная заработная плата и т.п.).

Качество начинающегося экономического роста будет характеризоваты не столько приближением наиболее отсталых регионов к лидерам, сколы увеличением числа регионов с положительными темпами прироста. Дифф ренциация положительных темпов прироста безусловно лучше выравниваш

отрицательных темпов. В подразделе 5.2.2 показана картина распространения промышленного роста в 1994—1997 гг., охватывающего все большую часть территории страны, включая обширные сплошные ареалы. Продолжения этого процесса следует ожидать в ближайшие годы.

Чем выше будут темпы экономического роста (в частности, ВВП), тем шире станут возможности для межрегионального перераспределения финансовых ресурсов с целью сближения регионов по уровню социального развития. Однако не должно возникать иллюзий по поводу того, что экономический рост автоматически переломит тенденцию межрегиональной дифференциации уровня жизни с дивергенции на конвергенцию (сближение). Растущая притягательность регионов с повышенной конкурентоспособностью и благоприятным предпринимательским климатом в сочетании с мобильностью труда и капитала могут содействовать еще большему отрыву регионов-лидеров по экономическому развитию и по уровню жизни. Поэтому проблема социальной поддержки относительно бедных регионов не потеряет своей актуальности.

5.4 Дезинтеграционные тенденции и возможности их преодоления

Интеграция и ее противоположность — дезинтеграция — это процессы, характеризующие изменения внутренней связанности экономического пространства. Очевидно, что данный аспект функционирования экономики чрезвычайно важен для России. Интеграция, если она основана на взаимной выгоде экономических партнеров, позволяет использовать преимущества взаимодополнения региональных экономик. Пространственная дезинтеграция, или ослабление межрегиональных экономических связей, создает угрозу экономической целостности страны.

Одк годность (неоднородность) и интегрированность (дезинтегриро-ванность) являются взаимосвязанными и взаимодополняющими характеристиками *качества экономического пространства.* Однако соотношения этих характеристик существенно меняются при переходе от административно-плановой к регулируемой рыночной экономике.

В СССР неоднородность экономического пространства, особенно пространственная разобщенность производственного потенциала, трудовых и природных ресурсов, усиливала взаимозависимость регионов, требовала интенсивного межрегионального взаимодействия. При переходе к рыночным формам организации и регулирования экономики ситуация усложняется. Хотя для развития интеграционного процесса на рыночной основе неоднородность экономического пространства современной России не является непреодолимым препятствием, она ограничивает возможности рыночного саморегулирования и отвлекает значительные ресурсы государства на поддержку "слабых" регионов. *Здоровая рыночная интеграция предполагает усиление не только интегрированности (связанности), но и однородности экономического пространства.*

Теоретические принципы и фундаментальные понятия пространственной экономической интеграции рассматривались в подразделе 2.4.4, а инструменты исследования (межрегиональные модели национальной экономики) — в параграфе 4.4.

В анализе интеграционно-дезинтеграционных процессов, происходящих в российской экономике, необходимо различать влияние *внешних* экономических связей и факторов, действующих *внутри* российского пространства.

5.4.1
Внешние факторы дезинтеграции

По мере либерализации внешнеэкономической деятельности еще в СССР многие регионы стали переориентировать свою торговлю на зарубежные страны. Эта тенденция продолжилась после распада СССР и начала радикальных рыночных реформ с акцентом на связи с "дальним" зарубежьем. Объемы экспорта и импорта увеличивались в абсолютном выражении на фоне падающих объемов производства. При этом импорт интенсивно вытеснял с внутреннего рынка отечественных товаропроизводителей; этому способствовало снижение таможенных тарифов и отмена большинства нетарифных ограничений на импорт.

Известно, что в российском экспорте преобладает продукция начальных производственных стадий (топливо, сырье, материалы), а в импорте — продукция высокой степени обработки (в первую очередь потребительские товары). Это означает, что внешняя торговля мало затрагивает внутренние межотраслевые производственные связи, а следовательно, подавляет межрегиональные связи.

Последствия развития внешнеэкономических связей имеют географическую и геополитическую специфику. С этой точки зрения различаются две группы регионов:

1) периферийные и приграничные;
2) внутренние.

Определенная часть первой группы регионов благодаря своему географическому положению обладает существенными конкурентными преимуществами во внешнеэкономической деятельности, особенно в торговле, совместном использовании технической инфраструктуры и энергетических мощностей, туризме и т.д. В первую очередь это относится к приграничным территориям, соседствующим с развитыми или динамично развивающимися странами (на Северо-Западе — с Норвегией и Финляндией; на Дальнем Востоке — с Китаем, Японией, США) и имеющим транспортные выходы на мировые рынки. Однако выгодное положение по отношению к внешним рынкам может сопровождаться свертыванием связей с внутренними регионами. Такое развитие ситуации особенно реально для Калининградской области — единственного российского эксклава. Примеры отрыва от российской экономики мы видим в Мурманской области, рыболовный флот которой почти всю добычу реализует в Норвегии, не довозя до своего берега. Схожая ситуация на Дальнем Востоке (криминальная реализация выловленной рыбы в Японию), где, кроме того, идет хищнический экспорт разного сырья по бросовым ценам. Для внутренних регионов России более значительные расстояния до государственной границы, разумеется, увеличивают транспортные затраты на экспортно-импортные операции. Однако для интенсивности внешнеэкономических связей все же более важны экспортный потенциал, емкость рынка и инвестиционный климат. Нефтегазовый тюменский север в гораздо большей степени интегрирован в мировое хозяйство, нежели, например, приграничные Смоленская или Брянская области. Сильнейшим образом связаны с мировым рынком сибирские центры цветной металлургии, особенно работающие по схеме толлинга, и, конечно, Москва, притягивающая свыше 2/3 всех иностранных инвестиций и являющаяся крупнейшим международным финансово-торговым посредником.

Влияние внешней торговли на межрегиональные связи и основные Показатели экономики регионов исследовалось посредством межрегиональных Моделей национальной экономики, рассматривавшихся в подразделах 4.4.2 [11] 4.4.3. Имитировались последствия изменения режимов внешней'Торговли (от жесткой централизации до полной либерализации).

Полная либерализация внешней торговли (и соответственно выравнивание внутренних и мировых цен) многократно уменьшает межрегиональную торговлю. Большинство отраслей производства, кроме добывающих, резко сокращают свое производство, не выдерживая ценовую конкуренцию со стороны импорта. Умеренное тарифное регулирование внешней торговли оказывает положительное влияние на интенсивность межрегиональных связей и структуру производства во всех макрорегионах. При этом выявляется целесообразность введения не только импортных пошлин (которые существовали с начала реформ), но и экспортных пошлин (они, как известно, восстановлены совсем недавно). Цены равновесия внутреннего рынка на экспортируемые товары, для которых вводятся экспортные тарифы, оказываются ниже мировых. Внутренние цены на импортируемые товары, для которых вводятся импортные тарифы, — выше мировых цен.

Для оценки влияния межрегиональных и международных экономических связей на показатели развития регионов России используется метод "испытания на разрыв связей". Эффект взаимодействия (взаимодополняемости) экономик регионов и внешнего мира определяется как разность между фактическим уровнем конечного потребления региона и тем уровнем, который можно получить при разрыве тех или иных связей. Основные результаты расчетов для двух режимов внешней торговли представлены в табл. 5.19.

Таблица 5.19. **Вклад внутрирегиональных, межрегиональных и внешнеэкономических связей в конечное потребление макрорегионов России, %**

Экономические связи	Макрорегионы				
	Европейская часть	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
	Режим свободной внешней торговли				
Внутрирегиональные	25,9	5,3	0,0	0,0	0,0
Межрегиональные	9,2	16,7	20,7	21,6	21,2
Внешнеэкономические	64,9	78,0	79,3	78,4	78,8
Итого	100	100	100	100	100
	Режим регулируемой внешней торговли				
Внутрирегиональные	27,1	5,4	0,0	0,0	0,0
Межрегиональные	39,4	56,8	57,4	69,2	71,8
Внешнеэкономические	33,5	37,8	42,6	30,8	28,2
Итого	100	100	100	100	100

При режиме свободной (полностью либерализованной) внешней торговли вклад внешней торговли в конечное потребление в среднем составляет 71,2%, а вклад межрегиональных связей — только 15%, что говорит о крайне слабой связанности внутреннего экономического пространства, его фактической дезинтеграции. При этом большинство отраслей, кроме добывающих, резко сокращают свое производство, отечественная продукция замещается импортом, снижается занятость.

Благодаря умеренному тарифному регулированию внешней торговли интенсивность межрегиональных связей значительно возрастает и их вклад в конечное потребление увеличивается в среднем до 49,1%, а вклад внешней торговли снижается в среднем до 36,2%.

Моделирование взаимодействия мировой и российской экономики (в разрезе крупных регионов) показывает, что полная либерализация внешней торговли при современной отраслевой и технологической структуре региональных экономик создает опасные социально-экономические деформации, в том числе чрезмерное замещение межрегиональных экономических связей внешнеэкономическими. Умеренное тарифное регулирование внешней торговли оказывает положительное влияние на объемы и структуру производства в регионах и межрегиональную торговлю. Таким образом, достигается главная тактическая задача этапа адаптации российской экономики к условиям мирового рынка: защита отечественных производителей и межрегиональной торговли.

5.4.2
Внутренние факторы дезинтеграции

Важнейшими проявлениями пространственной дезинтеграции российской экономики "изнутри" выступают: значительное сокращение межрегиональных торгово-экономических связей; неудовлетворительное функционирование Денежно-финансовой системы; ослабление общероссийской производственной инфраструктуры; сокращение межрегиончаьных гуманитарных контактов; радикальный экономический регионализм.

Признаком дезинтеграции российского *товарного рынка* является более быстрое падение межрегионального обмена продукцией по сравнению с падением производства. Доля межрегионального оборота по отношению к ВВП, по экспертным оценкам, составляла в 1990 г. 22%. В 1994 г. она снизилась до 16%, а в настоящее время составляет примерно 12—14%.

Наряду с сокращением производства и общей емкости товарного рынка ускоренное падение межрегионального обмена обусловлено значительными изменениями ценностных соотношений обмениваемой продукции и потерей конкурентоспособности многих производств на внутреннем рынке.

Наиболее негативное влияние оказал опережающий рост транспортных тарифов по сравнению с ценами на перевозимую продукцию. Так, к концу 1997 г. по сравнению с концом 1990 г. железнодорожные тарифы увеличились в 22,1 тыс. раз, тарифы на автомобильном транспорте — в 12 тыс. раз, тарифы на морском транспорте — в 11,5 тыс. раз, а цены на продукцию промышленности — "только" в 8,9 тыс. раз. Относительное удорожание транспорта привело к тому, что многие экономические связи стали неэффективными, особенно между Дальним Востоком, Сибирью и европейскими регионами страны. Уже в течение ряда лет сохраняется критическая ситуация с завозом продовольствия и топлива в районы Крайнего Севера из-за неплатежеспособности получателей грузов и невыгодности этих перевозок для производителей и перевозчиков.

Объемы работы транспорта за семь лет сократились более значительно, чем объемы производства: перевозки — в 2,7 раза, грузооборот — в 1,9 раза (табл. 5.20). В меньшей степени уменьшилась работа трубопроводного транспорта, поскольку он осуществляет основную часть экспорта нефти и газа.

Таблица 5.20. **Динамика перевозок грузов и грузооборота по видам транспорта общего пользования (1997 г. в % к 1990 г.)**

Транспорт	Перевозки грузов	Грузооборот
Всего	37,0	55,3
В том числе:		
железнодорожный	41,4	43,6
автомобильный	25,4	37,0
трубопроводный	68,0	71,6
морской	44,6	41,1
внутренний водный	17,8	35,0
воздушный	32,0	96,0

Однако не всякое сокращение межрегионального обмена следует оценивать негативно. Переход к рыночным отношениям позволил избавиться от многих прежних нерациональных и искусственных связей (например, от

кооперированных поставок между предприятиями одного министерства, удаленными друг от друга на тысячи километров), уменьшил зависимость потребителей от предприятий-монополистов, открыл для периферийных регионов возможность работать на рынках близлежащих стран и т.п. Главное позитивное изменение заключается в том, что стал действовать такой интеграционный фактор, как заинтересованность товаропроизводителей в преодолении региональных ограничений спроса и расширении рынка сбыта продукции. Эту заинтересованность в основном поддерживают и региональные власти, так как расширение производства и сбыта увеличивает доходы бюджета и населения и уменьшает безработицу.

В современных условиях межрегиональный товарообмен как фактор экономической интеграции сохраняет доминирующее значение. Бурное, но хаотичное развитие в России *финансового рынка* мало способствовало межрегиональной интеграции. Хуже того, формирование финансового капитала "вносит свой вклад" в деформацию российского экономического пространства. Господствующей тенденцией является концентрация финансового капитала в Москве и небольшом числе крупных центров, отсасывающая финансовые ресурсы из реального сектора регионов России. Поскольку свыше 80% финансовых активов и главные площадки валютных и фондовых рынков находятся в Москве, большинство регионов отключены от финансовых "игр" и являются заложниками зигзагов макроэкономической ситуации. Августовский кризис 1998 г. обнажил крайнюю слабость всей банковской системы, нанес сильнейший удар по реальному сектору и населению большинства регионов.

Существенным фактором дезинтеграции продолжает оставаться *денежно-финансовая система.* Огромная величина просроченных неплатежей поставщикам (превышающая годовой объем ВВП) препятствует нормализации и увеличению межрегиональной торговли, способствует замене "правильной" торговли бартерными сделками. Негативное влияние на функционирование общероссийского рынка оказывают также длительные сроки межбанковского движения Денег, неисполнение федерального и региональных бюджетов как по налоговым поступлениям, так и по финансированию расходов.

Материально-технической основой интеграции экономического пространства России является общероссийская (федеральная) транспортная и телекоммуникационная система. Инвестиционный кризис, особенно сокращение централизованных инвестиций, ограничивает возможности не только Усиления федеральной инфраструктуры, но даже ее физического сохранения, ^то в меньшей степени относится к системам телекоммуникаций, куда в Последние годы приходят значительные частные отечественные и иностранные Инвестиции.

Существующий *рынок труда* также пока слабо работает на экономическую интеграцию России. Основные потоки трудовой миграции — это, с одной стороны, беженцы и переселенцы из республик бывшего СССР, оседающие в основном в трудоизбыточных центральных и южных регионах, а с другой стороны, уезжающие с Крайнего Севера, также усиливающие давление на рынки труда регионов с более благоприятными климатическими условиями. Серьезным препятствием для интенсификации целесообразной трудовой миграции, рассасывающей структурную безработицу и увеличивающей общую занятость, является неразвитость рынка жилья для людей со средними и низкими доходами.

В этом же контексте следует рассматривать *дезинтеграцию гуманитарного пространства* России, наиболее явно проявляющуюся в сокращении пассажирских перевозок между отдаленными друг от друга регионами. Главные причины — падение реальных доходов у значительной части населения, снижение культурной и "рыночной" привлекательности центра страны, утрата большей части рекреационных регионов национального масштаба и, что весьма важно, рост транспортных тарифов, особенно на воздушном транспорте.

В 1997 г. пассажирооборот транспорта общего пользования уменьшила на 35% по сравнению с 1990 г., а на воздушном транспорте, единственнс доступном средстве сообщения на большей части территории страны, ог сократился в 2,6 раза (в 1990 г. авиатранспортом было перевезено 91 млн чел., в 1997 г. — только 26 млн.). Наряду с общим сокращением пасса жирооборота происходит изменение его пространственной структуры: увели чивается удельный вес внутригородского и пригородного сообщения] существенно сокращается удельный вес междугородного сообщения (с 47,59 в 1990 г. до 27,8% в 1997 г.), что является признаком разобщения, дезин теграции региональных социумов.

В первые годы новой российской государственности существенны] фактором экономической дезинтеграции России стало приобретение отдель ными регионами различных экономических льгот (налоговых, кредитные внешнеторговых и т.п.) — своего рода "льготная дезинтеграция", активны всплески которой происходили во время предвыборных кампаний Президен] и "партии власти". Факторами, затрудняющими экономическую интеграции остаются асимметричность Российской Федерации (наличие субъекте федерации с разным реальным статусом), незавершенность процесса распр< деления компетенции и практика эксклюзивных отношений между центре и регионами, многочисленные расхождения между федеральными и peraі нальными законами и нормативными актами.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации только за 1996—1997 гг. на местах было принято примерно 20 тыс. правовых актов (законов, распоряжений президентов республик и губернаторов и т.д.), не соответствующих Конституции Российской Федерации и федеральным законам. При этом главная подоплека правовых коллизий — это столкновение интересов при распределении финансовых ресурсов. Например, некоторые субъекты федерации вопреки Конституции страны закрепляют в своих конституциях и уставах вопросы финансового, валютного, кредитного и таможенного регулирования. Параллельно Государственный антимонопольный комитет выявил массовые нарушения Закона "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" исполнительными органами субъектов федерации. Суть этих нарушений: создание благоприятных условий для "своих" предприятий и организаций и дискриминация "чужих", взимание разного рода плат за товары, поступающие из других регионов.

Наиболее острая тема экономического диалога регионов с центром — расширение собственной доходной базы, получение трансфертов и других видов финансовой поддержки. Новым направлением расширения финансовой самодостаточности субъектов федерации становится их выход на мировые рынки ценных бумаг. В 1997 г. регионы заимствовали 29,5 трлн. старых рублей. На начало 1998 г. Минфин России зарегистрировал 455 проспектов эмиссий облигационных займов субъектов федерации на общую сумму почти 50 млрд. деноминированных рублей. Таким образом, одновременно происходят дальнейшая децентрализация внешнеэкономической деятельности, ее региональная диверсификация и усиление нерезидентов на российском финансовом рынке.

Финансовый кризис второй половины 1998 г. спровоцировал новый "парад суверенитетов" в экономической сфере. Власти большого числа регионов, действуя по надежному принципу "спасение утопающих — дело рук самих утопающих", принимали решения о прекращении перечислений федеральных налогов, запретах на вывоз продовольствия, контроле за Ценами, обособлении региональных банков, создании собственных золотовалютных резервов, выпуске эрзац-денег для внутрирегионального обращения. Еще больше расширилась сфера бартерных сделок, в том числе на основе межрегиональных соглашений. Сглаживание этой дезинтеграционной волны в основном завершилось в течение 1999 г. благодаря определенной макроэкономической стабилизации.

5.4.3 Реинтеграция или новая интеграция?

В основе экономической интеграции лежит взаимная заинтересованность субъектов рынка. Неверно представление, что регионы стремятся к автаркии выживанию в одиночку и только центр и некоторые сознательные региональные лидеры заботятся о сохранении экономической целостности страны На самом деле в *нормальной* экономической среде ни одному региону автаркия невыгодна, каждый из них заинтересован в широком рынке. Синдром обособления возникает только при макроэкономических и политических аномалиях. Следует лишь уточнить, что для некоторых регионов более эффективными могут оказываться экономические связи не с другими российскими регионами, а с партнерами из других стран.

Поскольку основными субъектами межрегиональных экономических отношений стали предприятия, функции федеральных и региональных администраций все более ограничиваются созданием благоприятных условий для межрегиональных экономических отношений.

Преодоление дезинтеграционных тенденций взаимосвязано (и как предпосылка, и как следствие) с возобновлением общего экономического роста. Серьезное усиление интеграции невозможно в разгар кризиса. Но верно и другое: интеграционные подвижки ослабляют кризис.

Наблюдавшееся с конца 1980-х гг. уменьшение доли межрегионального оборота в ВВП — главного индикатора интегрированности экономического пространства страны — типично для стадии экономической рецессии, когда происходит сжатие емкости рынка. На стадии же экономического подъема типичным становится опережающий рост торгового обмена по сравнению с ростом производства, что подтверждается практикой многих стран. Минимум торгового обмена достигается раньше, чем минимум объема производства, а затем индекс роста товарообмена превышает индекс производства. Поэтому прохождение точки t_b (которой соответствует минимальный индекс торгового обмена B_o) является одним из признаков начала экономического подъема (см. рис. 5.6).

Специфика российской ситуации в 1990-х гг., как известно, состояла в том, что переориентация части экономических связей на внешнеэкономические являлась дополнительным фактором уменьшения межрегиональной торговли. Поэтому перспективы усиления межрегиональной интеграции на стадии экономического роста существенно зависят от динамики и структуры внешней торговли.

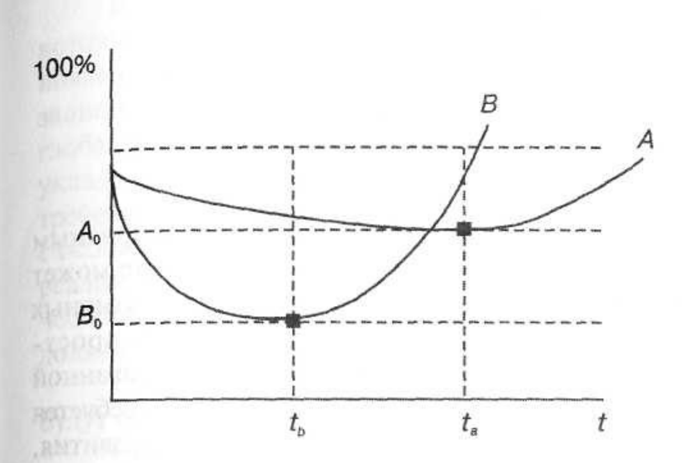

Рис. 5.6. Типичные соотношения индексов объема производства (*A*) и торгового оборота (межрегионального и внешнеэкономического) (*B*)

После августа 1998 г. во внешней торговле России произошло качественное изменение. Вследствие девальвации рубля резко упал импорт, что стимулировало рост отечественных импортозамещающих производств. Оценки наращивания экспортного потенциала, сравнительной эффективности импорта и импортозамещающих производств приводят к выводу, что в ближайшей перспективе темп роста ВВП будет превышать темп роста внешнеторгового оборота. Так, по прогнозу экономического развития страны до 2002 г., выполненному Министерством экономики Российской Федерации, темп ежегодного прироста ВВП может повышаться до 5—6%, темп увеличения экспорта не превысит 3%, а объем импорта в лучшем случае сохранится на уровне 1998 г. Таким образом, следует ожидать, что *экономический рост в стране будет происходить при опережающем росте межрегионального товарообмена.*

Возобновление интеграционной тенденции не станет *реинтеграцией* в том смысле, что начнут восстанавливаться прежние экономические связи, существовавшие в "едином народнохозяйственном комплексе" конца 1980-х гг. Это уже невозможно и нерационально. Действительно, нельзя привести к прежнему состоянию торгово-кооперационные связи с республиками бывшего СССР или связи существовавшие в рамках многочисленных госснабов и госсбытов. *Новая интеграция* будет строиться в соответствии с новыми критериями эффективности и изменившимися объективными условиями.

Проблемы возобновления интеграционных тенденций должны получить высший приоритет в стратегии территориального развития России (см. параграф 5.5) и в системе механизмов государственной региональной политики.

5.5 j
Необходимость новой стратегии территориального развития страны

XX в. оставляет экономическое пространство России сильно неоднородным и дезинтегрированным, со множеством внутренних деформаций. Не может быть иллюзий саморазрешения накопившихся проблем. Перелом негативных тенденций и устойчивая прогрессивная эволюция экономического пространства могут осуществляться только под воздействием

консолидированной политики государства и конструктивных сил общества. Для этого требуется разработать стратегию территориального социально-экономического развития, рассчитанную как минимум на первую четверть XXI в.

Столь значительный временной горизонт для стратегии необходим потому, что он должен вместить в себя три этапа: 1) завершение переходного периода; 2) осуществление крупных программ, способных привести к качественным изменениям в сферах производства, транспорта, расселения, образования и здравоохранения, природопользования и экологии; 3) выход, по крайней мере, большинства регионов на траекторию устойчивого развития. Стратегия должна ориентироваться на использование преимуществ регионального многообразия и межрегиональной интеграции, гармонию интересов региональных социумов, реализацию принципа равных возможностей для всех граждан независимо от их места жительства.

Задачами первого этапа являются ускоренное преодоление последствий экономического кризиса в регионах, завершение в них основных институциональных преобразований, максимальное использование благоприятных факторов регионального развития. Наряду с этим *специальной* задачей стратегии является преодоление тенденций *дивергенции* (усиления неоднородности) *и дезинтеграции* (ослабления связанности) экономического пространства. Очевидно, что продолжение движения по траектории "дивергенция — дезинтеграция" имеет своим пределом распад целостной экономики и единого государства. Поэтому до завершения переходного периода необходимо осуществить разворот в направлении *конвергенция—интеграция.* Необходимость укрепления экономической целостности страны сохранится как одна из главных целей стратегии на весь период ее осуществления.